

Д.М. Менделевич, С.Ю. Малышева

СЛОВО О ПРОФЕССОРЕ ГРИГОРИИ ЯКОВЛЕВИЧЕ ТРОШИНЕ

Казанский государственный медицинский университет

65 лет назад 13 марта 1938 г. в Праге скоропостижно скончался видный русский психиатр, бывший заведующий кафедрой психиатрии Казанского государственного университета проф. Григорий Яковлевич Трошин.

Г.Я. Трошин родился 21 сентября 1874 г. в г. Мушаке Елабужского уезда Вятской губернии в семье мещанина. Он окончил Сарапульское духовное училище, а затем 3 года учился в Вятской духовной семинарии. Веселый, шаловливый, непоседливый мальчик совершенно не подходил для будущего духовного сана. Он и сам это понял и с согласия родителей уехал в Казань, где в 1895 г. в 21-летнем возрасте резко меняет свою жизнь: закончив 3-ю казанскую гимназию, юноша поступает на юридический факультет Казанского университета. И вновь он понимает, что ошибся в выборе профессии. Интересы студента Трошина склонялись к естественным наукам, и он переводится на медицинский факультет, где увлекается невропатологией и психиатрией. В 1899 г., под руководством проф. Л. Даркшевича он выполняет свою первую самостоятельную работу, посвященную морфологии спинного мозга. Итоги работы были доложены на научном собрании врачей клиники нервных болезней Казанского университета и получили высшую

оценку и рекомендации к публикации. В последний год учебы в университете, он выполнил еще несколько интересных анатомо-морфологических исследований и в год окончания учебы обобщил полученные данные в монографии: "Петля. Ее начало, окончание, состав, связи и топография" (1900). Окончив с отличием медицинский факультет университета, Г.Я. Трошин получает звание лекаря.

Проработав около полугода участковым врачом в г. Ардатове Симбирской губернии, Г.Я. Трошин уезжает в Петербург, где устраивается младшим чиновником медицинского департамента МВД, а с августа 1901 г. становится врачом лечебницы для душевнобольных Св. Николая Чудотворца.

Несмотря на большую разницу в возрасте, он близко знакомится с В.М. Бехтеревым, руководителем клиники нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии. Именно в этой клинике под руководством В.М. Бехтерева он выполняет и защищает в 1903 г. докторскую диссертацию: "О сочетательных системах больших полушарий". Одновременно с научной работой он продолжает лечить больных в психиатрической лечебнице Св. Николая Чудотворца.

В 1904—1905 гг. он проходил военную службу, откуда вновь вернулся в ту же больницу.

Дальнейшие события, произошедшие в 1906—1907 гг. в указанной психиатрической лечебнице, мы приводим по материалам судебного разбирательства, подробно описанного в газете "Практический врач" (№41 и №42 за 1907 г.). В газете приводятся материалы уголовного дела и их рассмотрение в особом присутствии Санкт-Петербургской судебной палаты. Истцом выступает главный врач больницы Реформатский, который обвиняет доктора медицины Г.Я. Трошина, смотрителя больницы Ф.А. Шульца и других 26 человек в том, что они применили к нему силу и вывезли на тачке из больницы, причинив вред его физическому здоровью.

Истец Реформатский сообщил, что, приняв больницу Св. Николая Чудотворца в 1902 г., застал

ее в хаотическом состоянии. Она была переполнена до того, что на полу “валялось” до 200 человек больных, грязь была невозможная, от малейшей царапины происходили заражения. Врачи получали мизерное содержание, низший персонал голодал, спать служителям приходилось по трое на одной кровати, рабочий день продолжался 18 часов. 15 октября 1906 г., когда Реформатский находился в отпуске за границей, доктор Трошин созвал собрание врачей больницы и предложил принять решение о необходимости ввести в лечебнице автономное правление. Г.Я. Трошин распорядился также, чтобы канцелярия больницы прервала всякое сношение с правительственными учреждениями. В больнице под председательством доктора Трошина стали проходить частые митинги. Волнения обострились после увольнения смотрителя Шульца. Этим обстоятельством будто бы воспользовался доктор Трошин, чтобы привести в жизнь “демократическую автономию”. Для этого он ходил в казармы для служителей и вел там с ними разговоры об автономии. Не все слушатели понимали в чем суть проблемы, но резолюция по автономии прошла огромным большинством голосов. Часть врачей, несогласных с Г.Я. Трошиным, подали заявление в городское самоуправление о том, что они не понимают, что это за автономия. В ответ доктор Трошин написал протест против этих врачей, под которым подписался почти весь персонал больницы, включая больничного священника.

Со слов одного свидетеля, эксперта-психиатра, основные положения автономии были выработаны еще в 1905 г. при содействии проф. В.М. Бехтерева на психиатрическом съезде в Киеве. Г.Я. Трошин полностью принял идеи автономии и активно их пропагандировал. Один свидетель, врач, после оскорблений на почве борьбы за автономию сообщил, что он даже вызывал доктора Трошина на дуэль.

Коллектив больницы был настолько возбужден, что Г.Я. Трошин на собрании врачей, опасаясь неприятностей, предложил обеим конфликтующим сторонам избегать насилия. Но было уже поздно. Утвердив увольнение Шульца и отставку одного из сторонников Трошина, гл. врач Реформатский на замечание, почему о кадровых решениях он предварительно не посоветовался с врачами, ответил: “Я считаюсь с мнением врачей только тогда, когда я нахожу это нужным.”

7 января 1907 г. в больницу для ее успокоения прибыл новый попечитель больницы Г. Жданов.

Не встретив понимания со стороны коллектива, он неожиданно раскричался, в ответ толпа ринулась вперед. Жданов успел скрыться, и напор толпы обрушился на главного врача Реформатского. Его схватили, бросили в тачку и вывезли из территории больницы.

В показаниях ряда свидетелей говорится, что в это время доктор Трошин уговаривал толпу успокоиться и сам непосредственного участия в потасовке не принимал. Некоторые свидетели характеризуют Г.Я. Трошина как идейного “фанатика”, и его борьба за автономию имела исключительно “идейный характер”.

Свидетели, допрошенные в суде, обращают внимание на то, что среди подсудимых и сторонников доктора Трошина один производит впечатление ненормального человека, другой одно время даже находился на излечении в больнице для душевнобольных, третий страдает истерическим психозом, четвертая неоднократно переходила с положения служащей в положение больной, и обратно. Согласно приговору суда виновными были признаны 11 человек. Доктора Г.Я. Трошина приговорили к заключению в крепость сроком на один год и 4 месяца.

Так закончилась эта странная и удивительная история, из которой нам становится ясно, что уже тогда Г.Я. Трошин в борьбе за идею мог переходить рамки дозволенной дискуссии, используя самые разные методы. Об этих особенностях характера Г.Я. Трошина нам в нашем повествовании еще придется упомянуть. Следует отметить, однако, что идеи автономии психиатрических учреждений не нашли широкой поддержки в медицинских кругах и на практике так и не были осуществлены. Дон-Кихотство Г.Я. Трошина обернулось приговором суда.

После освобождения в 1909 г. Г.Я. Трошин создал в Петербурге частную психиатрическую школу-лечебницу для отсталых и ненормальных детей на Васильевском острове, где он директорствовал, занимаясь одновременно частной врачебной практикой. В 1911 г. он являлся участником I съезда Русского союза психиатров-нейропатологов в Москве. С 1912 г. он читает лекции при Психоневрологическом институте на курсах по воспитанию и обучению нервных и отсталых детей.

В 1915 г. вышел объемный двухтомный труд “Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей”, который Г.Я. Трошин

посвятил памяти великого русского педагога К.Д. Ушинского. В этой работе он впервые всесторонне проанализировал важнейшие проблемы детской психопатологии. Монография завоевала признание общественности, а ее автор был удостоен премии им. К.Д. Ушинского от Российской академии наук.

В годы первой мировой войны Г.Я. Трошин служил в военном госпитале в Петрограде. Обследуя в госпитале раненых и контуженных, Г.Я. Трошин в 1916 г. написал серию статей под общим названием: "Травматический невроз по материалам текущей войны", которая была опубликована в журнале "Современная психиатрия" (1916 г., №№2-3, 4, 7-8), в редакционный совет которого вместе с В.М. Бехтеревым и Т.П. Юдиным входил также Г.Я. Трошин. В своей работе автор делит все выявленные признаки невроза на 4 группы: 1) неврастенические симптомы; 2) истерические; 3) соматические; 4) органические. К неврастеническим симптомам Г.Я. Трошин относит головокружение, головную боль, шум в голове, амблиопию, дрожание, мышечную возбудимость, симптом Ромберга, общую слабость, ссылаясь в статье на убедительные клинические описания. В группу истерических симптомов он включил различного вида парестезии, гиперестезии, отсутствие или понижение глоточного рефлекса, парезы и параличи функционального характера, судороги, истерическую глухонмоту. Соматические симптомы он называет полусоматическими-полуневротическими. Такой же точки зрения он придерживается и относительно органических симптомов. В 1919 г. по приглашению руководства медицинского факультета Казанского университета Г.Я. Трошин переезжает в Казань. Несколько месяцев он работал преподавателем, а с 27 мая 1920 г. его избирают "по вакантной должности профессора по кафедре психиатрии с клиникой". За весь период пребывания в Казани проф. Г.Я. Трошин читал студентам Казанского университета курсы психиатрии, клиники душевных болезней, нормальной и патологической психологии. Однако любимыми предметами были для него детская психопатология и организация вспомогательных школ.

Кроме педагогической деятельности в Казани, Г.Я. Трошин активно занимался административной и хозяйственной работой. При его непосредственном участии в Казани была развернута сеть педологических и

психоневрологических учреждений, диагностический пункт для дефективных детей, дом для трудновоспитуемых детей, психологическая лаборатория. В конце 1920 г. ему удалось "отвоевать" у военного госпиталя в пользу Казанского университета здание психиатрической клиники с участком земли, где уже в 1921 г. было открыто диагностическое отделение на 15 коек, которое возглавил М.П. Андреев. В аудитории клиники впервые начали читать лекции, появилась возможность вести занятия на своем клиническом материале, были набраны в штат аспиранты и ординаторы. Началась большая интересная работа, требовавшая от директора клиники полной отдачи сил. Но Г.Я. Трошину этого было мало. Для понимания дальнейшего изложения надо вернуться немного назад. После Октябрьской революции далеко не все представители интеллигенции охотно восприняли новые идеи. Многие профессора Казанского университета не захотели менять свои взгляды не только на систему образования, но и на допуск к управлению университетом студентов из рабочих и крестьян, вернувшихся с гражданской войны и по праву считавших себя победителями.

Вот как характеризует обстановку в Казанском университете студент-медик (без подписи) в статье "Последние могикане", опубликованной в ежемесячном журнале Областка РКП (б) "Коммунистический путь" (1922, № 8): "Медфак — это то учреждение, атмосфера которого отравляется даже такими европейски-культурными людьми, какими являются профессора... Дух касты, закосневшей в своих традициях с ее взаимным подсиживанием, лицемерием, с ее культурным держимордством, с идейным превалированием кучки руководителей..., скрытый саботаж, в котором часть профессоров усовершенствовалась в большей степени, нежели в своей специальности..., являются главным орудием профессорской корпорации". "...Факультет представляет в данный момент такое учреждение, которое дает приют буквально выжившим из ума старикам".

В хлопотах и заботах наступил 1922 г. — последний год работы проф. Трошина в Казанском университете. Путем невероятных усилий ему удалось восстановить психиатрическую клинику, добиться того, что преподавание психиатрии достигло клинического уровня, хотя обучение на базе областной психиатрической лечебницы еще продолжалось. В клинике заканчивался ремонт,

были закуплены и привезены из Петрограда приборы и лабораторный материал, завезена мебель, заработали клинические отделения.

Но не таков был его характер, чтобы успокаиваться на достигнутом. Новому подъему активности Г.Я. Трошина послужили следующие события.

Еще в январе 1922 г. забастовали профессора московских вузов. Они требовали улучшения условий труда, уважения со стороны властей и студентов, предоставления нормальных средств для существования. Официальный орган ЦК РКП (б) газета “Правда” оперативно откликнулась на “профессорскую забастовку”. 21 февраля 1922 г. (№41) газета связала выступления московских ученых со статьей П.М. Милюкова в “Последних новостях”, которая называлась “Разгром высшей школы”. В ней Милюков якобы рекомендовал российской профессуре не ограничиваться пассивными протестами, а действовать: “Пассивные протесты должны вылиться в активное действие”. “...Господа профессора, наступайте на Советскую власть совместно со студенчеством... Будьте дальновидны, понимайте, что без студентов ваша игра ничего не стоит. Старайтесь всеми силами опираться на студенческую массу” (цит. по газете “Правда”).

Казанский университет в лице преподавателей и ряда студентов поддержали выступление москвичей. 29 января 1922 г. было проведено заседание совета Казанского университета. Доклад директора университета был необычно жестким и откровенным. Совет решил до тех пор не начинать учебных занятий со студентами после зимних каникул, пока власти не наведут порядок: преподаватели голодают, выплата зарплаты задерживается, люди “истощаются от недостатка питания и разных тифов”. Предлагалось провести ряд мероприятий, в числе которых намечалось и обращение в Американскую Администрацию Помощи. Г.Я. Трошин оказался в первых рядах борцов за права преподавателей — его избирают деканом медфака, и он тут же предпринял демарш против недавно созданного Клинического института для усовершенствования врачей. Суть его требований, поддержанных на общем собрании сотрудников медицинского факультета Казанского университета, сводилась к тому, что есть настоятельная необходимость этот новый институт закрыть, а высвободившиеся средства передать для улучшения работы медицинского факультета Казанского университета. Собрание

медфака потребовало от профессоров, совмещавших работу или перешедших в Клинический институт, вернуться в Казанский университет и отказаться от совместительства. Трудности, возникшие в Клиническом институте после ухода ряда профессоров, были разрешены только в результате вмешательства 5 июня 1922 г. Наркомздрава и Наркомпроса РСФСР. Профессорам и научным сотрудникам вновь было предоставлено право свободного преподавания.

В Казанском же университете на медицинском факультете продолжали бушевать страсти. Потеряв всякую бдительность и чувство самосохранения, декан Г.Я. Трошин продолжал борьбу. Корреспондент газеты “Правда” С. Карпаев (20 июля 1922 г., № 160) в очерке “Портреты Казанской профессуры” сообщал о некоторых фактах из жизни проф. Трошина. На публичной лекции по вопросу о заболеваемости в связи с людоедством проф. Трошин сделал заключение о том, что “Советская власть зиждется на апатии масс”, что к голоду приводит существующая власть. На лекциях по психиатрии он указывает, что только в Советской России могут быть сумасшедшие, ибо этому способствуют социальные причины. Проф. Трошин включает в борьбу студенчество, для этого устраивает вечеринки-попойки с приглашением “истинно-русских” студентов, на которых провозглашает тосты: “Да здравствует истинно-русская наука! Да здравствует истинно-русское единение профессуры и студенчества!” (цит. по М.К. Корбуту).

Однако совершенно непоправимый для своей судьбы поступок Г.Я. Трошин совершил во время своего выступления на похоронах профессора-офтальмолога Агабаева. Если верить “студенту-медику”, выступление которого мы только что процитировали, он сказал буквально следующее: “Мы клянемся оберегать твою могилу от посягательства граждан социалистической республики, чтобы они не сняли с тебя последний сюртук”. Реакция на эти высказывания не заставила себя ждать. Слова Г.Я. Трошина квалифицировались как “контрреволюционное выступление или как дикий крик ненормального, озлобленного до крайней степени, больного человека, место которому или в клинике, которой он сам заведует, или в другом месте”. Допросы арестованного за активную антикоммунистическую пропаганду Г.Я. Трошина впервые

проводилось в марте 1922 г. в ГПУ ТАССР. От всех обвинений в свой адрес Г.Я. Трошин отказался. 22 апреля 1922 г. он был освобожден “из-за недостатка улик”.

В ночь с 16 на 17 августа в Москве и Петрограде, а в следующую ночь на Украине прошли массовые аресты интеллигенции по заранее составленным и утвержденным Политбюро ЦК РКП (б) спискам. В первую же ночь в Казани был вновь арестован Г.Я. Трошин. Ему было предъявлено обвинение в том, что он был “одним из активных руководителей правой профессуры и реакционной части студенчества”. Был сделан вывод, что после первого своего освобождения Г.Я. Трошин продолжал свои антисоветские выступления. Руководство университета и сотрудники психиатрической клиники обратились в ГПУ с просьбой отдать проф. Г.Я. Трошина им на поруки, обещая, что он будет впредь лоялен к Советской власти.

Сотрудников и коллег Г.Я. Трошина беспокоило и его здоровье. 9 сентября в здании больницы пересыльной тюрьмы Григорий Яковлевич был освидетельствован авторитетной комиссией врачей в составе проф. Чебоксарова, проф. Горяева, врача Ворошилова, которая установила, что он страдает “артериосклерозом, хроническим миокардитом с расстройством компенсации сердечной деятельности..., аневризмой дуги аорты, сопровождающейся приступами грудной жабы и сердечной астмы. По характеру заболевания тюремный режим является крайне вредным для здоровья проф. Г.Я. Трошина, а дальнейшие переезды грозят опасностью для жизни его”.

30 сентября 1922 г. в Москве ГПУ приняло решение разрешить выезд Трошину за границу за свой счет. Однако 13 ноября Менжинский отменил разрешение о его высылке за границу, и дело о нем было прекращено. В те недолгие дни пребывания дома сотрудники Психиатрической клиники отметили его день ангела. Вечеринка длилась с 5 до 8 часов вечера. На ней присутствовали сотрудники клиники М.Н. Ксенократов, Е.И. Курдюмова, И.Н. Жилин, М.А. Гордина, а также жена Трошина Мария Леонтьевна. Были и некоторые студенты. От среднего персонала профессору преподнесли шоколадный торт.

Пребывание в Казани Г.Я. Трошина было непродолжительным. Все ходатайства и просьбы сослуживцев относительно Григория Яковлевича оказались тщетными: в конце декабря 1922 г. его

выслали из страны. Однако он не затерялся в среде “белой эмиграции”. После кратковременного пребывания в Германии, Григорий Яковлевич переехал в Прагу. Вначале он преподавал на кафедре судебной медицины и психиатрии Русского юридического факультета, затем его пригласили на кафедру педологии Русского педагогического института им. Я.А. Каменского. В 1923 г. группой медиков было создано общество русских врачей. В течение почти 12 лет (с 1927 г.) и до самой смерти Трошин был председателем этого общества, представлял его на съездах Общеславянского союза врачей, проходивших в Варшаве, Праге, Белграде, Софии, а также на съездах объединения русских врачей за границей (с центром в Париже). Г.Я. Трошин вел бесплатный амбулаторный прием в представительстве Российского общества Красного Креста в Чехословакии, где нуждающимся русским безработным эмигрантам оказывалась медицинская помощь.

В течение всей жизни за границей проф. Г.Я. Трошин не прекращал и научную деятельность. Ряд работ он посвятил психиатрии: “О строении психоза”, “Строение душевных болезней”, “Заболевания психической заразительности”. В последней работе он описал коллективные психозы во время революций и массовых движений в Европе за целое тысячелетие. Одно его тяготило: он не мог работать в психиатрической клинике. Его прошение о приеме на работу хотя бы в качестве младшего врача было отклонено. Лишенный возможности заниматься клинической психиатрической практикой, он увлекся психологическим анализом проблем эстетики. Эта сторона работы не была для него новой. Еще молодым врачом он написал несколько работ на эту тему: “Музыкальные эмоции” (1901), “Патологическое у Н.В. Гоголя” (1902), “Литературно-художественные эмоции с нормальной и патологической стороны” (1903). И вот в 1936 г. он вновь вернулся к этой проблеме и написал статью “О влиянии музыки на душевное творчество человека”. Последняя в его жизни работа была посвящена 100-летию со дня смерти Пушкина: “Пушкин и психология творчества” (1937).

Еще в 1924 г. Г.Я. Трошин задумал составить “Руководство по психиатрии” в 9 томах и взялся за эту работу, которая, к сожалению, так и осталась незаконченной.

По воспоминаниям знавших его людей, Григорий Яковлевич был интересным и разносторонним человеком: он обладал литературным даром, писал стихи, был блестящим лектором. В Российском медицинском зарубежье проф. Г.Я. Трошин пользовался авторитетом и как врач, и как ученый, и как человек.

Нетрудно себя представить, как сложилась бы судьба Г.Я. Трошина, если бы он остался в России. В 30-е годы, если бы даже он не “наломал новых дров”, ему бы припомнили, как это случилось с остальными, все его высказывания в адрес Советской власти. Вряд ли он остался бы жив в тяжелое лихолетье, когда людей расстреливали и за меньшие проступки.

Спустя 60 лет после его смерти стало известно, что 10 декабря 1999 г. по постановлению

прокуратуры Республики Татарстан проф. Григорий Яковлевич Трошин был полностью реабилитирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. — Казань, 1996.
2. Русское зарубежье/ Золотая книга эмиграции. Энциклопедический библиографический словарь. — 1997.
3. Казанский ГИДУВ им. В.И. Ленина (1920—1990 гг.). — Казань, 1990.
4. Корбут М.К. Казанский Государственный Университет им. В.И. Ульянова-Ленина, / Т. II. — Казань, 1930.
5. Казанский Университет (1804—2004)/ Библиографический словарь. — Казань, 2002.

Поступила 27.03.03.

